

Корабль-призрак

Про книгу

Отец Филиппа Вандердекена был моряком, капитаном корабля. Во что бы то ни стало он хотел обогнуть мыс Доброй Надежды, но ужасные ветра и течение препятствовали ему. Команда отказалась повиноваться. В бешенстве капитан выбросил за борт зачинщика мятежа и произнес хулу на Бога. Он клялся на частице Животворящего Креста Господня, что будет сражаться с Небом и адом до конца. Высшие силы наказали капитана, обрекли на вечное плавание на борту легендарного «Летучего голландца». Без права вернуться домой, вечно скитаясь по морям, принося смерть другим судам... Сын Филипп пускается в опасное и рискованное приключение, чтобы спасти душу своего отца.

Мир приключений

Фредерик
Марриетт

Корабль-призрак

КУЛЬТУРА
СЕМЕЙНОГО
ДОСТОЯНИЯ

Мир приключений

Фредерик
Марриетт

Корабль-призрак

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2018 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2018

ISBN 978-617-12-4942-4 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Текст печатается по изданию:

Марриэт, капитан. Пират. Корабль-призрак : романы / Фредерик Марриэт ; пер. с англ. Я. Ясинского, М. Игнатовой, А. Энkvист. – СПб. : Издательство «Logos», 1992. – 464 с. : ил. (Серия «Библиотека П. П. Сойкина»).

Перевод с английского *Анны Энkvист*

Электронная версия создана по изданию:

Батько Філіппа Вандердекена був моряком, капітаном корабля. Він будь-що хотів обігнути мис Доброї Надії, але жахливі вітри та течія перешкоджали йому. Команда відмовилася коритися. Тоді оскажений капітан викинув за борт заколотника і виголосив прокльони на Бога. Він присягнувся на частці Животворного Хреста Господнього, що буде битися з Небом і пеклом до кінця. Вищі сили покарали капітана та прирекли на вічне плавання на борту легендарного «Летючого голландця». Без права повернутися додому, вічно блукаючи морями, приносячи смерть іншим суднам... Син Філіпп наважується на небезпечну та ризиковану пригоду, щоб врятувати душу свого батька.

Марриет Ф.

M25 Корабль-призрак : роман / Фредерик Марриет ; пер. с англ. А. Энkvист; сост. серии О.

Дыдыкина. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 320 с. —

(Серия «Мир приключений», ISBN 978-617-12-2483-4).

ISBN 978-617-12-4472-6

Отец Филиппа Вандердекена был моряком, капитаном корабля. Во что бы то ни стало он хотел обогнуть мыс Доброй Надежды, но ужасные ветра и течение препятствовали ему. Команда отказалась повиноваться. В бешенстве капитан выбросил за борт зачинщика мятежа и произнес хулу на Бога. Он клялся на частице Животворящего Креста Господня, что будет сражаться с Небом и адом до конца. Высшие силы наказали капитана, обрекли на вечное плавание на борту легендарного «Летучего голландца». Без права вернуться домой, вечно скитаясь по морям, принося смерть другим судам... Сын Филипп решается на опасное и рискованное приключение, чтобы спасти душу своего отца.

УДК 821.111

© DepositPhotos.com / mppriv, обложка, 2018

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2018

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2018

КОРАБЛЬ-ПРИЗРАК

Глава I

Тайна вдовы Вандердеккен

В половине XVII столетия на окраине небольшого укрепленного городка Тернёзена на южном берегу Западной Шельды почти напротив острова Валхерен стоял небольшой скромный, весьма опрятный домик, построенный во вкусе того времени. Фасад его был окрашен в густо-оранжевый цвет, а оконные рамы и ставни — в ярко-зеленый. Примерно до высоты трех футов от земли стены его были облицованы белыми и синими кафельными плитками, расположенными в шахматном порядке. К дому прилегал небольшой садик, обнесенный низенькой живой изгородью и окруженный до краев наполненной водой канавой, настолько широкой, что через нее не всякий мог перескочить. Через эту канаву как раз напротив входной двери был перекинут узенький железный мостик с перилами — для большей безопасности посетителей. В последнее время яркие краски фасада потускнели, оконные рамы, дверные косяки и другие деревянные части строения заметно обветшали, кафельные плитки во многих местах вывалились. Очевидно, когда-то этот домик содержали с величайшей заботливостью, теперь же во всем чувствовались заброшенность и запустение.

Внутреннее помещение дома как в нижнем, так и в верхнем этаже состояло из двух комнат окнами на улицу и двух — окнами во двор. Задние комнаты были совсем небольшие, передние — чуть просторнее, но и они имели только по одному окну. Наверху размещались спальни, в нижнем этаже обе маленькие комнатки выполняли хозяйственные функции: одна служила прачечной, другая — кладовой. Одна из передних комнат нижнего этажа представляла собой опрятную красивую кухню с большими полками, заполненными начищенной до блеска медной посудой. В белый пол кухни, чистый и гладкий, можно было глядеться, как в зеркало. В кухне располагались массивный деревянный стол, два деревянных стула и маленькая мягкая кушетка. Другая передняя комната нижнего этажа когда-то являлась гостиной; как она обставлена, никто не знал: вот уже почти семнадцать лет это помещение стояло запертым, обитатели дома не пользовались им и гостей туда не приглашали.

В начале нашего повествования в кухне находилась женщина лет сорока, худая и измученная. В тонких изящных чертах ее лица и больших темных глазах еще сохранялись следы прежней красоты, но, увы, давно увядшей. Кожа женщины выглядела дряблой, прозрачное бескровное лицо вытянулось, лоб ее, когда она задумывалась, покрывался глубокими морщинами, а глаза иногда вспыхивали таким странным огнем, какой бывает у людей с сильным нервным расстройством. Вероятно, на внешность женщины наложило отпечаток какое-то глубокое давнее горе, с которым она не могла справиться, какая-то хроническая удрученность, от которой бедную страдальицу избавила бы разве что смерть. По обычаю того времени хозяйка носила на голове вдовий чепец, одежда ее была опрятной и аккуратной, но далеко не новой и сильно поношенной. Ввиду своего болезненного состояния женщина сидела на низкой кушетке, которую, очевидно, специально принесли сверху, из спален.

На краю большого стола посередине кухни примостился юноша лет девятнадцати-двадцати, упитанный, цветущий, с очень приятной внешностью. Он был хорошо сложен, наделен недюжинной физической силой, полон отваги и энергичен. Выразительные глаза его смотрели смело и уверенно. Сидя на столе, он по-ребячески болтал ногами, беззаботно насвистывая какой-то избитый мотив, и при виде его сразу становилось ясным, что это бесстрашный, смелый и отчаянный молодой человек, которого трудно чем-либо испугать или заставить отказаться от однажды принятого решения.

— Не уходи в море, Филипп, прошу тебя! Обещай, что ты будешь со мной. Пожалуйста, сынок! — восклицала женщина, протягивая к юноше молитвенно сложенные руки.

— Почему же мне не отправиться в море, матушка? — возразил Филипп. — Какая польза от того, что я останусь дома умирать с голоду? Клянусь честью, это немногим лучше. Пора мне уже принести какую-то пользу и себе, и тебе. Лучший вариант — морская служба. Дядя Вандердеккен предлагает взять меня с собой на корабль, обещает приличное жалованье. На судне я устроюсь хорошо, деньги начну откладывать, и моего заработка вполне хватит тебе на безбедную жизнь здесь, дома!

— Выслушай меня, Филипп. Я умру, если ты меня покинешь. Ты у меня один на белом свете. Коли ты меня любишь, — а я знаю, что ты

меня любишь, — не бросай свою мать, умоляю тебя. Хочешь трудиться, идти в люди — бога ради, но только не в море! Филипп задумался, продолжая тихонько насвистывать, а мать его горько заплакала.

— Матушка, ты так беспокоишься за меня потому, что мой отец погиб в море? — спросил он.

— Нет, что ты! — замахала рукой женщина. — Видит Бог, дело совсем в другом...

— В чем? Договаривай.

— Нет, погоди, ничего такого... Господи, сжался надо мной!

Сжался!

Несчастливая мать, соскользнув с кушетки на пол и встав на колени, начала горячо и усердно шептать молитву, ища у Бога поддержки и защиты. Когда она поднялась и села на место, лицо ее выглядело более спокойным, чем минутой раньше, даже просветлевшим, и в глазах уже не читалось прежнего отчаяния. Филипп, за все это время не проронивший ни слова из уважения к молитвенному порыву матери, возобновил разговор:

— Послушай, матушка! Ты просишь, чтобы я не служил в море и голодал здесь вместе с тобой. Невеселая жизнь, честно признаться, но давай подойдем к делу вот с какой стороны. Соседняя комната, наша гостиная, заперта, с тех пор как я себя помню на белом свете, а по какой причине — я не знаю, ты скрываешь ее от меня. Но однажды, когда у нас с тобой не было даже куска хлеба, а дядя не мог нам помочь, потому что надолго ушел в плавание, ты пришла в отчаяние и сказала...

— Что я тогда сказала, Филипп? — с тревогой спросила бедная женщина.

— Ты проговорила, что в той комнате достаточно денег, чтобы спасти нас, но затем принялась рыдать и кричать, что лучше умереть. Я все-таки желаю знать, что хранится в гостиной и почему она заперта столько лет. Либо ты без утайки выкладываешь мне всю правду, какая бы она ни была, либо я уйду в море — одно из двух!

При этих словах Филиппа женщина застыла, как каменная статуя, затем губы ее пошевелились, зрачки расширились, и казалось, что она утратила способность говорить. Она прижала руки к груди, как будто хотела сдавить ее или вырвать с корнем мучительную боль, и вдруг

стала заваливаться с кушетки лицом вперед, а изо рта ее струей хлынула кровь. Филипп мигом соскочил со стола и кинулся к матери, подоспев как раз вовремя, чтобы не дать ей упасть и удариться о пол. Он поднял сухое изможденное тело и бережно уложил на кушетку. Кровь не унималась.

— Матушка, что с тобой?! — в страхе закричал он.

Но женщина ничего не отвечала, а только повернулась на бок, чтобы не захлебнуться, и вскоре на чистом полу образовалась лужа алой крови.

— Матушка, что надо делать? Как помочь тебе? Что тебе дать? Боже милосердный! Что это такое?

— Это смерть, сынок... — наконец прошептала помертвевшими губами бедная женщина и потеряла сознание от кровопотери.

Филипп выбежал из дому и позвал на помощь соседей, а когда те пришли и обступили больную, он что есть духу помчался к врачу, жившему в одной миле от их дома. Фамилия врача была Путс — маленький жалкий старикашка, жадный и бездушный, но хорошо знавший свое медицинское ремесло. К счастью, старик оказался дома, и Филипп стал настоятельно требовать, чтобы лекарь немедленно отправился к больной.

— Я приду вне всякого сомнения, — ответил Путс, изъяснявшийся на местном наречии с заметным акцентом. — Но, мингер¹ Вандердеккен, кто мне заплатит за труды?

— Кто? Мой дядя, как только вернется домой.

— Ваш дядя, шкипер Вандердеккен?! Нет, так не годится: он уже задолжал мне четыре гильдера² и не отдает их весьма давно. Кроме того он вообще может не вернуться, а потонуть вместе с судном.

— Он заплатит вам и те четыре гильдера, и за новый ваш визит! — в бешенстве закричал Филипп. — Только пойдете скорее со мной, иначе, пока мы препираемся, моя мать умрет!

— Простите, молодой человек, но сначала я должен посетить бургомистра в Тернёзене, — проговорил Путс. — У него заболел ребенок.

— Знаете что, — воскликнул Филипп весь красный от гнева, — или вы сейчас же добровольно последуете за мной, или я вас силой потащу к нам в дом, выбирайте любое! Издеваться над собой я не позволю!

Мингер Путс смутился, так как решительный нрав Филиппа знали все соседи.

— Я приду немного погодя, мингер Филипп, если только успею.

— Нет, вы отправитесь сию же минуту, жалкий корыстолюбец! — закричал Филипп, схватив лекаря за воротник и вытаскивая из двери дома.

— Злодей! Убийца! — завопил Путс, теряя под ногами почву, увлекаемый неукротимым молодым колоссом, не внимавшим ни просьбам, ни мольбам.

Филипп чуть-чуть ослабил хватку, заметив, что старик весь посинел, и сказал грозно:

— Задавить мне, что ли, вас, чтобы вы пошли? А идти вас я все-таки заставлю, живого или мертвого!

— Хорошо, — прошипел Путс. — Я пойду с вами, но сегодня же вас посадят в тюрьму! Что касается вашей матушки, то я ни за что на свете не сделаю для нее ничего, решительно ничего!

— Негодяй! — чуть не ударил врача Филипп. — Имейте в виду, мингер Путс, перед Богом клянусь, Он нас видит и слышит: я задушу вас, если вы не пойдете со мной и, придя к нам в дом, не окажете моей матери врачебную помощь — всю, какая только в ваших силах. Задушу прямо там, у ее постели! Вам, наверное, известно, что я всегда выполняю все свои обещания, а потому вот мой совет: следуйте за мной и исполните свой долг, и вы получите все до последней монеты, даже если мне придется снять с себя камзол и сорочку и продать их. Похоже, это уверение Филиппа подействовало на старика сильнее всех угроз, да и выбора у врача не было. Маленький и тщедушный, он выглядел беззащитным ребенком в руках сильного здорового юноши, напоминавшего сказочного великана. Дом Путса стоял за городом посреди пустыря и в стороне от других жилищ, так что лекарь не мог позвать соседей на помощь — они его попросту не услышали бы дальше, чем в ста шагах от дома Вандердеккенов. Скрепя сердце, мингер Путс поспешил за Филиппом, надеясь, что получит обещанную плату.

Придя в дом, врач и сын обнаружили женщину на попечении двух ее соседок, которые смачивали ей виски уксусом, чтобы привести в чувство. К больной уже вернулось сознание, но говорить она пока не могла. Путс приказал немедленно перенести ее наверх и уложить в

постель и, дав ей какой-то порошок, отправился с Филиппом за нужными лекарствами.

— Как вернетесь, сейчас же дайте вашей матушке принять вот это...

— Он вручил Филиппу склянку со снадобьем, — а я пойду к ребенку бургомистра, после чего снова наведуся к вам.

— Не обманите меня! — предупредил Филипп, сопровождая свои слова строгим взглядом.

— Нет, мингер Филипп, я не поверил бы вашему дяде, но вам я верю; вы обещали мне заплатить, и я знаю, что вы сдержите свое слово.

Через час я буду у вашей матушки, а вы идите к ней поскорее!

Филипп побежал к своему дому и дал матери лекарство. После того как она выпила его, кровотечение совершенно прекратилось, больной удалось даже слабым, едва слышным шепотом сказать сыну несколько слов. Когда доктор вернулся, он тщательно осмотрел пациентку, после чего сошел вместе с ее сыном вниз в кухню.

— Мингер Филипп, — заговорил он, — видит Бог, я сделал для вашей матушки все, что в моих силах, но должен предупредить вас: едва ли она когда-нибудь встанет на ноги. Она проживет день-два, не больше, но я в этом не виноват, — добавил он упавшим голосом, как будто оправдывался.

— Видно, такова воля Божья! — мрачно ответил юноша.

— Вы в любом случае заплатите мне, не правда ли, мингер Вандердеккен? — произнес доктор через минуту.

— Да-да, конечно! — крикнул Филипп, словно стряхнув с себя раздумье.

Помолчав немного, Путс спросил:

— Наведаться мне к вам завтра, мингер Вандердеккен? Имейте в виду, это обойдется вам еще в один гильдер, хотя, повторяю, бесполезно тратить деньги и время — больная не поправится.

— Придите завтра, приходите хоть каждый час, насчитывайте, сколько пожелаете, — я все заплачу, будьте спокойны, — горько усмехнулся Филипп.

— Как вам угодно; я понимаю, что едва она умрет, дом и все движимое имущество перейдут к вам, и вы, конечно, продадите их. Да-да, я приду! У вас скоро окажется достаточно денег, чтобы заплатить мне и за несколько визитов. Позвольте еще одну просьбу, мингер Филипп:

если вы надумаете сдавать дом в аренду, предложите его, пожалуйста, мне.

— Вот как... — занес руку Филипп, точно собираясь схватить и раздавить маленького бессердечного лекаря.

Мингер Путс предусмотрительно отскочил в угол и заискивающим тоном залебезил:

— Что вы, что вы... Я имел в виду, что все это произойдет только после похорон вашей матушки.

— Уходите, жалкий человек, уходите отсюда! — в сердцах воскликнул Филипп, закрывая лицо руками и опускаясь на залитую кровью кушетку.

Вскоре Филипп Вандердеккен поднялся наверх к постели больной, которая почувствовала себя значительно легче. Соседки, у которых хватало своих забот, оставили мать на попечение сына и возвратились домой. Истощенная сильной кровопотерей женщина несколько часов дремала, не выпуская руку сына, который в мрачном раздумье прислушивался к ее прерывистому дыханию. Около часа ночи больная проснулась, к ней вернулся голос, и она обратилась к сыну:

— Дорогой мой, неукротимый мальчик, теперь я сама сожалею, что так долго удерживала тебя здесь, как в тюрьме.

— Не ты, матушка, а мое собственное желание удерживало меня подле тебя. Я и теперь не уйду, пока ты снова не встанешь на ноги и не выздоровеешь.

— Этого, Филипп, никогда не будет. Я чувствую, что пришла моя смерть. Если бы не ты, дитя мое, я с радостью покинула бы этот мир. Я уже давно, Филипп, молила Бога о смерти.

— А почему, матушка? Кажется, я старался не огорчать тебя.

— Да, ты хороший сын, и пусть Господь благословит тебя. Не раз я замечала, как ты сдерживал свой буйный нрав и справедливый гнев ради меня. Даже голод не вынудил тебя выйти из повиновения твоей матери. Ведь после тех моих слов о запертой комнате ты мог подумать, что я или помешанная, или жестокая, если у нас нет куска хлеба, а я упорно настаиваю на своем и не объясняю никаких причин. Но погоди немного, я сейчас продолжу... сию минуту.

Она повернула голову на подушке и несколько минут молчала, потом, как бы собравшись с силами, продолжила:

— Временами я вела себя, как безумная, не правда ли, Филипп? Но Бог свидетель: я носила в душе тайну, которая лишила бы рассудка любую женщину. Эта тайна тяготела надо мной днем и ночью, туманила мне мозг и теперь, хвала Богу, наконец-то одолела меня, изнурила мое брeнное тело. Окончательный удар нанесен, и мне остается только рассказать тебе все. Для меня это очень тяжело, ведь моя тайна удручит твою душу на долгие годы, так же как она томила мою.

— Матушка, — попросил Филипп, — умоляю тебя, не скрывай от меня дальше ужасной тайны, которая столько времени убивала тебя! Будь в ней замешано само Небо или сам ад, я ничего не боюсь: Небо не погубит меня, а с сатаной я справлюсь!

— Я знаю, мальчик мой, что ты смел, отважен и силен духом, и если кому-то и под силу нести тяжкое бремя, то именно тебе, Филипп. Для меня, увы, ноша оказалась непосильной, и теперь мой долг передать ее тебе.

Некоторое время женщина молчала, как бы сосредоточиваясь на том, что хотела сообщить сыну; крупные слезы бежали у нее по щекам. Наконец она взяла себя в руки и приободрилась.

— Речь пойдет о твоём отце, Филипп, — начала она, — люди думают, что он погиб в море...

— Он не погиб? — удивился Филипп.

— Нет...

— Но ведь он давно умер, матушка?

— Нет... то есть да, и все же нет! — растерялась женщина и заплакала, закрыв лицо руками.

«Она бредит», — подумал Филипп, но спросил:

— Тогда где он, матушка, где мой отец?

При этих словах больная подняла голову и, содрогнувшись всем телом, отчетливо и ясно произнесла:

— Он заживо осужден судом Божьим! Страшное проклятие лежит на нем!

Несчастливая с воплем откинулась на подушки, закрывая лицо простыней, словно старалась спрятаться от собственных воспоминаний. Филипп как будто онемел, пораженный признанием матери. Несколько минут в спальне висело тягостное молчание, после чего юноша, мучимый неопределенностью, едва слышно прошептал:

— Открой же мне тайну, матушка, почему ты медлишь?

— Хорошо, сейчас... — спохватилась больная, и голос ее зазвучал как-то торжественно. — Нрав у твоего отца был, как и у тебя, пылкий, отважный, решительный и настойчивый, и пусть его участь послужит тебе назиданием, дорогой мой мальчик. Отец слыл превосходным моряком: искусным, опытным, смелым, — каких мало. Родился он не здесь, а в Амстердаме, но жить там не пожелал, так как считал себя истинным католиком, а голландцы все сплошь еретики. Прошло больше семнадцати лет, с тех пор как твой отец в последний раз отправился в Индию на своем превосходном корабле «Амстердамец» с весьма ценным грузом. Это был его третий рейс. В двух предыдущих он заработал немало денег и приобрел собственное судно. Кое-какие сбережения после покупки у отца еще оставались, он планировал добавить к ним то, что заработает в третьем плавании, и тем самым обеспечить нашей семье безбедную жизнь до конца наших дней и больше не покидать родные берега. Мы часто мечтали с ним о том, что станем делать, когда он вернется. Эти мысли утешали меня в его отсутствие; я горячо любила его, Филипп, и он всегда был ласков, нежен и добр со мной. О, с каким нетерпением я ждала его возвращения! Незавидна судьба жены моряка: сколько долгих мучительных дней и ночей, недель и месяцев проводит она, одиноко прислушиваясь в непогоду к завыванию ветра и к вою бури, которые предвещают кораблекрушение и смерть, разорение и вдовство. Прошло месяцев шесть со времени отъезда твоего отца, и оставался еще целый год напряженного ожидания, а то и больше. Однажды ночью ты спал, а я сидела над твоей постелькой, оберегала твой покой и, опустившись на колени, молила Бога за тебя и твоего отца, нимало не подозревая, что на его голову пало ужасное проклятие! Она остановилась перевести дух, потом опять заговорила: — Сон твой был крепок, и я ненадолго отлучилась от тебя, сойдя вниз в ту комнату, которая с той кошмарной ночи и до сего дня заперта на ключ. Я села к столу вышивать: в ненастную ночь жене моряка не уснуть. Перевалило за полночь. На дворе лил дождь, и мне стало страшно и жутко как никогда. Я подошла к кропильнице со святой водой и, обмакнув в нее пальцы правой руки, осенила себя крестным знаменем. В тот же миг дикий порыв ветра с воем налетел на наш дом и напугал меня еще сильнее. Внезапно окно распахнулось, свеча погасла, и я очутилась в полной темноте. Я закричала от ужаса, но

быстро овладела собой и кинулась закрывать створки и ставни, как вдруг увидела, что в окно влезает человек, — кто, ты думаешь? Твой отец! Да, это был он!

— Боже милостивый! — пробормотал Филипп.

— Я не знала, что и думать. Он спрыгнул с подоконника, и, хотя в комнате царил полный мрак, я увидела лицо и фигуру твоего отца так же ясно, как в яркий полдень. Страх внушал мне, что надо убежать и скрыться, но любовь влекла меня в объятия мужа. Я замерла на том месте, где стояла, потрясенная до глубины души неведомым доселе ужасом. Как только твой отец оказался в комнате, окно и ставни захлопнулись сами собой, и свеча загорелась, хотя ни я, ни он не подносили к ней огня. В голове моей мелькнула мысль, что предомной призрак, и, слабо вскрикнув, я лишилась чувств.

Придя в себя, я поняла, что лежу не на полу, а на кушетке, и почувствовала в своей руке чью-то холодную мокрую руку. Подняв глаза, я увидела твоего отца, сидевшего подле, и это успокоило меня, несмотря на его странное появление. Я подумала, что его постигло несчастье, поэтому он вернулся раньше времени. Я бросилась на шею своему дорогому супругу. Одежда его промокла от дождя, а тело показалось мне таким холодным, как будто я обняла льдину. Он никак не реагировал на мои ласки и не произносил ни слова, а только смотрел на меня задумчивым скорбным взглядом. У меня сжалось сердце от тяжелого предчувствия. «Виллем, любимый мой! — воскликнула я. — Это я, твоя Катрина! Что ж ты молчишь, милый? Скажи хоть слово. Что с тобой случилось, говори ради бога!»

«Скажу, — ответил он медленно и каким-то приподнятым тоном, — скажу прямо сейчас, потому что у меня мало времени!»

«Нет, постой! Не уходи больше в море! Пусть даже твое судно погибло, только бы ты был жив! Лишь бы ты находился подле меня — больше нам с сыном ничего не надо», — прошептала я ему.

«Погоди, Катрина, — промолвил он. — Слушай меня, не тревожься и не перебивай. Мое судно не погибло, но погибла моя... Молчи, пожалуйста, дослушай до конца. Я не умер, но и не жив; я блуждаю между этим миром и миром духов, запомни это.

Девять недель я упорно старался вопреки стихиям обогнуть мыс Бурь, но все напрасно. Тогда я дал страшную клятву и еще столько же времени боролся с ветрами и течениями. Мне не удалось пристать к

берегу, и двигаться вперед я тоже не мог. В бешенстве я произнес хулу на Бога и с упорством обреченного продолжал стремиться к своей цели. Люди, изнуренные тяжелой бесполезной работой, требовали, чтобы я вернулся в Столовую бухту, но я не соглашался. Мало того, я совершил убийство, правда, невольное, неумышленное, но все же погубил ни в чем не повинного человека. Мой лоцман отказался выполнять мои приказы и подговорил экипаж связать меня. В тот момент, когда рулевой схватил меня за ворот, я в лютой злобе ударил его, он пошатнулся, от сильной качки вылетел за борт и утонул. Эта ужасная смерть не вразумила меня, и я поклялся частицей Животворящего Креста Господня, которую ты, Катрина, носишь у себя на шее в ларчике, что настою на своем. Что все будет так, как я хочу, даже если мне придется сражаться на этом корабле не только с бурями и стихиями, но и с Небом и адом до дня Страшного суда! Эту клятву запечатлел гром и потоки огненного дождя. Свирепый ураган налетел на судно, сорвал паруса, разодрал их в клочья, громадные валы залили палубу, и среди черного мрака ненастной ночи в небе засияли начертанные пламенными буквами слова: “До дня Страшного суда!” Слушай меня, Катрина, время мое сочтено. У меня осталась только одна надежда, и ради нее мне дано было явиться сюда. Возьми это! — Он положил на стол письмо с печатью. — Прочти его, дорогая, и помоги, если сможешь. Прочти обязательно, а теперь прощай, мне пора!»

Вновь окно и ставни сами собой распахнулись, свеча погасла, задутая порывом ветра, ворвавшегося в комнату, и образ моего любимого супруга начал уплывать во мраке. Я вскочила и кинулась за ним, простирая к нему руки и отчаянно зовя его, пока он улетал вдаль. С минуту мой взгляд еще различал дорогой мне образ, уносимый с быстротой молнии на крыльях бурного ветра, но потом он исчез, как мелкая искорка, затерялся во мраке ненастной ночи. Окно и ставни захлопнулись, свеча зажглась, и я осталась одна в пустой комнате. Господи, пожалей меня! Не обрушивай кару на мою бедную голову! Филипп, помоги мне! Помоги! — закричала Катрина. — Не бросай меня одну, Богом прошу!

Обезумевшая женщина вскочила с постели, но при последнем выкрике упала на руки сына, успевшего подхватить ее, чтобы не дать ей упасть. Несколько минут она не двигалась, и Филипп встревожился: он

осторожно уложил мать в постель и вдруг заметил, что голова ее запрокинулась, а глаза закатились — несчастная вдова Вандердеккен умерла.

1 Вежливое обращение к мужчине в Голландии. — *Здесь и далее примеч. ред.*

2 То есть четыре голландских червонца.

Глава II

Семейная реликвия

Как ни силен духом был Филипп Вандердеккен, его словно громом поразило, когда он увидел, что душа его матери отлетела в лучший мир. Долгое время он сидел подле ее постели, не сводя глаз с усопшей, причем мысли его тревожно блуждали, не задерживаясь ни на чем конкретном. Мало-помалу он пришел в себя, встал, оправил подушки и закрыл глаза покойнице. Руки его сами собой молитвенно сложились, и горячие слезы покатались по его смуглым щекам. Запечатлев долгий прощальный поцелуй на бледном челе мертвой матери, он медленно задернул полог вокруг постели и скорбно произнес:

— Бедная матушка, наконец-то ты обрела покой, которого столько лет не знала твоя душа. Но сыну своему ты оставила горькое наследство! Филипп вспомнил все только что пережитое, и страшное признание матери ожило в его воображении и вызвало сумятицу в его голове. Обхватив ее руками, он постарался привести мысли в порядок, чтобы разобраться в них и решить, что делать дальше. Он не мог позволить себе долго предаваться горю: мать его отошла от всех земных забот и волнений, а отец? Что с ним? Филипп понятия не имел, где он. Внезапно в мозгу юноши пронеслись слова матери: «Осталась только одна надежда»... Так значит, надежда есть? Мать сказала, что отец положил на стол письмо. Где оно? Может, так и лежит, где его положили? Вероятно, у матушки не хватило смелости прочесть его. В этом письме заключалась надежда, и оно пролежало невскрытым более семнадцати лет.

Филипп решил осмотреть роковую комнату и узнать все. Но идти туда сейчас или дожждаться рассвета? Да и где ключ от двери? Взгляд его случайно остановился на маленьком навесном шкафчике, который мать никогда не отпирала при сыне, — наверное, именно там спрятан ключ. Недолго думая, юноша взял свечу и подошел к шкафчику. Удивительно: он не заперт! Дверки распахнулись, и Филипп стал выдвигать один ящичек за другим, но ключа нигде не было, все ящички до одного оказались пустыми. У юноши мелькнула догадка, что в шкафчике предусмотрены потайные ящички, и Филипп долго и внимательно искал их, но тщетно. Наконец он вынул все ящички и

разложил их на полу, а шкафчик снял со стены и потряс его. Послышался шум, указывавший на то, что в одном углу шкафчика находится потайная ниша. Филипп пришел к выводу, что ключ именно там, и попытался его достать — бесполезно. Уже почти рассвело, а Филипп все еще бился над своей неблагодарной задачей. Вконец измучившись, он решил взломать заднюю стенку шкафчика, спустился вниз в кухню и вернулся оттуда с небольшим ножом и молотком. Опустившись на колени, он принялся за дело, как вдруг почувствовал, что кто-то положил ему руку на плечо.

Филипп вздрогнул: он до того погрузился в свою работу и свои мысли, что не услышал у себя за спиной приближавшихся шагов. Подняв голову, он увидел перед собой патера Сейсена, священника местного прихода, смотревшего на него строго и неодобрительно. Сейсену сообщили о тяжелом состоянии вдовы Вандердеккен, и добрый патер поднялся с рассветом, чтобы поспешить к болящей и принести ей утешение.

— Ай, сын мой, — проговорил он, — и ты не боишься тревожить покой своей матери? Неужели ты хочешь все расхитить в доме, прежде чем твоя мать упокоится в могиле?

— Нет, святой отец, — ответил Филипп, — я не боюсь потревожить ее покой: она уснула сном праведников. Расхищать в доме мне нечего. Я ищу не золото и не другие богатства, хотя если бы они имелись, то теперь принадлежали бы мне. Я ищу давно спрятанный в этом шкафчике ключ, но не могу добраться до него, потому и пытаюсь взломать стенку.

— Твоя мать скончалась? Умерла без утешения, которое принесла бы ей наша святая церковь? Почему же ты не позвал меня?

— Потому что матушка скончалась внезапно у меня на руках часа два назад. Я очень сожалею, что вас не было подле нее в ту минуту.

Старик отдернул полог и взглянул на усопшую, окропил ее и постель святой водой и склонился над телом Катрины Вандердеккен с немой молитвой о ее душе. Через минуту он обернулся к Филиппу:

— Почему я застал тебя за такой работой? С какой целью ты стараешься достать ключ? Смерть матери должна бы всколыхнуть в тебе сыновние чувства, но я не вижу твоей скорби и не слышу молитв об упокоении ее души, — глаза твои сухи, а мысли заняты посторонним и суетным, хотя еще не остыло тело, в котором жила и

томила душа твоей матери. Подобное поведение не приличествует доброму сыну и христианину. Что за ключ ты ищешь?

— Патер, у меня нет времени для слез, скорби и жалоб, а дум у меня столько, что их отказывается вместить моя голова. Я нежно любил свою мать, вы это знаете.

— Я спрашиваю, какой ключ тебе так срочно понадобился?

— Ключ от комнаты, которая стояла запертой столько лет и которую я должен и хочу отпереть, даже если...

— Даже если... что?

— Ничего такого, я случайно обмолвился. Простите, святой отец, мне просто нужно осмотреть эту комнату.

— Я давно о ней слышал и знаю, что твоя мать никогда никому не объясняла, почему ваша гостиная все время заперта. Я сам не раз задавал ей этот вопрос, но она уходила от ответа. Мало того, однажды, когда я по долгу своего сана попробовал расспросить Катрину более настойчиво, то заметил, что разум ее мешается, она как будто теряет рассудок, поэтому я отказался от дальнейших попыток. Что-то тяготело над душой твоей бедной матери, но она даже на исповеди не пожелала сказать мне правду и тем самым снять невыносимое бремя с души. Перед смертью она открыла тебе свою тайну или так и унесла ее с собой в могилу?

— Она открыла ее мне, святой отец.

— Не чувствуешь ли ты потребности исповедаться, сын мой? Быть может, я оказал бы тебе помощь или дал совет...

— Я верю, что не праздное любопытство побуждает вас выведывать у меня эту тайну, я готов поделиться ею с вами и выслушать ваш совет. Дело, однако, в том, что в данную минуту я сам не во всем разобрался и ума не приложу, все ли обстояло так, как говорила моя бедная мать, или то лишь плод ее воспаленного воображения. Когда я удостоверюсь, что все услышанное мной от матери — правда, я исповедуюсь перед вами, хотя едва ли вас это порадует. Сейчас я не вправе ничего сообщать вам, я обязан докопаться до истины, и первый шаг к тому — войти в эту ненавистную комнату и убедиться во всем.

— Тебе не страшно, сын мой?

— Нет, святой отец, на мне лежит долг, который нужно исполнить.

Умоляю вас, не допытывайтесь у меня ни о чем. Честное слово, я, как

и покойная мать, чувствую, что всякие расспросы пошатнут мой рассудок.

— Нет, Филипп, что ты, я не настаиваю! Придет время, и если я тебе понадобится, то ты обратишься ко мне, а теперь прощай. Но прошу тебя все-таки, сын мой, приостанови свою неподобающую моменту работу: я сейчас пришлю сюда женщин — готовить к погребению покойницу, душу которой призвал Господь.

Патер взглянул на Филиппа и понял, что мысли юноши витают где-то далеко. Взгляд его, лишенный всякого выражения, бесцельно блуждал по сторонам, а лицо выражало странное недоумение, и священник, озабоченно покачав головой, покинул дом. «Он прав, — подумал Филипп, оставшись один, — не надо спешить с этим делом. — Взяв шкафчик, юноша повесил его на прежнее место. — Часом раньше или часом позже — какая разница? Лучше прилягу и отдохну, голова у меня свинцовая».

Филипп прошел в смежную комнату, кинулся на постель и тотчас же заснул тем крепким тяжелым сном, каким обычно засыпают за несколько часов до казни приговоренные к смерти преступники. Пока он спал, пришли соседки и приготовили все, что требовалось для похорон вдовы Вандердеккен. Они не тревожили Филиппа, чтобы он подольше не возвращался к своему горю. В числе других после полудня явился мингер Путс, который уже знал о смерти своей пациентки и, имея час свободного времени, решил зайти к Вандердеккенам в расчете на то, что это принесет ему лишний гильдер вознаграждения. Он поднялся в комнату, где лежала покойница, постоял там, а оттуда заглянул в спальню Филиппа и потряс его за плечо, чтобы разбудить. Проснувшись, Филипп сел на постели и увидел перед собой доктора.

— Мингер Вандердеккен, — заговорил отвратительный маленький лекарь, — все произошло, как я заранее знал. Она умерла. Не забудьте, что с вас причитается еще один гильдер, и вы обещали непременно уплатить мне за все. Общая сумма вместе с препаратами составляет три с половиной гильдера при условии, что вы вернете мне склянку из-под лекарства.

Филипп, в первую минуту не вполне сознававший, что происходит, наконец стряхнул с себя остатки сна, и перед ним предстала горестная явь.

— Вы получите три с половиной гильдера и вашу склянку, господин Путс. — Юноша встал с кровати. — Не беспокойтесь.

— Да-да, я знаю, что вы уплатите мне, если будете в состоянии. Но, видите ли, мингер Филипп, это может случиться нескоро — неизвестно, когда вам удастся продать домик. Вдруг вы не сразу найдете на него покупателя? Я тоже не желаю слишком давить на людей, когда у них нет денег, поэтому предлагаю вам разумный выход из положения. На шее у вашей покойной матушки я заметил одну вещицу, которая, впрочем, не имеет никакой ценности, решительно никакой, но я католик и чту святыни. Желая вам помочь в вашей затруднительной ситуации, я готов взять эту вещицу, и мы с вами будем квиты. Я сочту, что вы уплатили мне сполна, и дело с концом. Филипп слушал внимательно и понял, на что намекает старый негодяй: на ларчик с частицей Животворящего Креста, которой поклялся Виллем Вандердеккен, давая свой губительный обет. Никакие кучи золота не заставили бы Филиппа расстаться с семейной реликвией. — Уходите! — резко произнес он. — Убирайтесь сейчас же! А деньги свои вы получите.

Но мингер Путс отлично знал, что миниатюрный квадратный ларчик, в котором хранилась святыня, был из чистого золота и стоил в десять раз больше того, что ему задолжал Филипп. Кроме того, Путс догадывался, что и сама реликвия стоит немало, — в те времена подобные святыни ценились очень высоко. Одним словом, алчный лекарь сообразил, что, продав ларчик с его содержимым, выручит за него весьма приличную сумму. Прельстившись дорогой вещицей, Путс снял ее с шеи покойницы в тот момент, когда оставался один возле ее тела, и спрятал реликвию у себя на груди.

— Мои условия выгодные, — продолжал он уговаривать Филиппа, — и вам лучше бы согласиться на них. Какая вам польза от этой вещи? Вы же выбросите ее, как ненужный хлам!

— Я сказал вам, что нет! — крикнул Филипп, выходя из себя.

— В таком случае дайте мне эту вещицу под залог, пока не уплатите долг, мингер Вандердеккен! Это справедливо. Вы же понимаете, что я не хочу терять своего. Как только вы принесете мне три с половиной гильдера и склянку из-под лекарства, я возвращу вам вашу безделушку. На этот раз негодование Филиппа выплеснулось через край: он схватил мингера Путса за шиворот и вышвырнул за дверь.

— Вон! — закричал он. — Чтоб духу здесь не было! Иначе... Юноша не успел конкретизировать свою угрозу, потому что старикашка буквально кубарем скатился с лестницы, выскочил из двери и засеменил по мостику. В какой-то момент Путс пожалел, что стащил ларчик, но его поспешное бегство помешало ему вернуть Филиппу реликвию, а теперь было уже поздно. Вымогательство Путса навело Филиппа на мысль о шкатулочке, и он зашел в комнату, где лежала мать, чтобы снять с нее реликвию и взять ее себе. Он отдернул полог и протянул руку к шее покойницы, где на черной ленте всегда висела миниатюрная золотая шкатулочка, но та внезапно исчезла вместе с лентой. «Украл! — подумал юноша. — Но кто? Соседки никогда не осмелились бы на такое святотатство, никогда! Все ясно: это дело рук старого мерзавца Путса. Я не оставлю у него нашу святыню, я отниму ее у него, даже если он ее проглотил. Разорву вора на части — и достану то, что он похитил».

Филипп сбежал по лестнице, перемахнул через канаву и в одной сорочке, без камзола и шляпы, помчался что есть сил по направлению к жилищу доктора. Соседи, видя, как он несется мимо, словно ветер, качали головой. Мингер Путс преодолел полпути: он ушиб колено и не мог бежать быстрее. Предчувствуя, что произойдет, если совершенная им кража обнаружится, воришка время от времени оборачивался назад. К огромному ужасу, он увидел вдали Филиппа Вандердеккена и понял, что тот пустился в погоню. Испугавшись чуть не до потери сознания, старикашка не знал, что ему предпринять: «Остановиться и вернуть ларчик», — мелькнула у него мысль, но страх перед бешеным нравом молодого Вандердеккена заставил лекаря отказаться от этого намерения, и он решил удирать дальше, надеясь успеть достичь своего дома и запереться в нем.

Тоненькие ножки несли тщедушное тельце Путса так быстро, как только могли, и Филипп, убедившись, что похититель старается ускользнуть, заключил из этого, что не ошибся: реликвию украл старикашка, — поэтому прибавил скорость и стал нагонять трусливого эскулапа. Находясь в каких-нибудь ста шагах от своего дома, Путс услышал, что юноша мчится за ним по пятам. Обезумев от ужаса, воришка начал делать невероятные для своего роста прыжки, отчаяние удвоило его силы, но погоня все приближалась, и Путс даже затылком ощущал порывистое дыхание преследователя.

Не помня себя от страха, старик пронзительно вскрикнул, как заяц, схваченный гончими. Филипп был в нескольких шагах от него и вытянул руку, чтобы схватить злодея, но вдруг лекарь рухнул, как подкошенный, прямо под ноги молодому человеку. Юноша по инерции перепрыгнул через Путса, пробежал еще немного вперед, спотыкаясь и стараясь вернуть себе утраченное равновесие, но запнулся о камень, упал и покатился по земле, несколько раз перевернувшись. Это спасло маленького доктора: он успел вскочить и, прежде чем Филипп поднялся на ноги и догнал его, влетел в дом и запер дверь на тяжелые металлические засовы. Однако Филипп решил, не останавливаясь ни перед чем, вернуть себе фамильную святыню. В три прыжка очутившись у двери дома врача, юноша лихорадочно стал думать, как ворваться внутрь и расправиться с негодяем. Но поскольку жилище доктора стояло одиноко, тот принял все меры предосторожности против вторжения грабителей и налетчиков. Окна нижнего этажа были заперты железными ставнями и укреплены крепкими засовами, а окна верхнего этажа располагались чересчур высоко, чтобы до них добраться.

Здесь в виде отступления заметим, что, хотя мингер Путс пользовался известностью как искусный врач и имел обширную практику, соседи не любили его, считая человеком черствым, неприветливым, с каменным сердцем, и никто никогда не переступал порога его дома, впрочем, не имея к тому ни малейшего желания. Путс жил среди людей так же одиноко, как его дом, находившийся вдали от человеческого жилья за чертой города. Врача видели только у постелей больных и умирающих, и даже люди, пользовавшиеся его услугами, не знали, как он живет и какие у него в доме помещения. Первое время, когда он поселился в этой местности, на стук в его дверь отвечала дряхлая женщина, но не так давно ее схоронили, и с тех пор дверь приотворял посетителям сам мингер Путс, если был дома; при его отсутствии дверь так и оставалась запертой, сколько бы в нее ни колотили. На этом основании заключили, что старик живет совершенно один и по причине своей скарденности прислугу не нанимает. То же самое думал и Филипп и, едва он немного отдышался, сейчас же принялся измышлять средство, как добыть похищенное сокровище да к тому же отомстить старому негодяю.

Дверь была тяжелая, массивная, и взломать ее не представлялось никакой возможности. С минуту Филипп думал, гнев его постепенно остывал, и чем дальше, тем больше юный Вандердеккен приходил к выводу, что реликвию нужно вернуть, не прибегая к насилию и не предпринимая никаких враждебных действий. Поэтому он крикнул достаточно громко, чтобы его услышали:

— Мингер Путс, я знаю, вы там! Возвратите мне то, что взяли у меня, и я не причиню вам ни малейшего зла. Если же вы не отдадите добровольно, то пеняйте на себя. Предупреждаю, что не сойду с этого места, пока вы не оплатитесь жизнью за свой проступок.

Путс слышал каждое слово Филиппа, но жалкий старикашка успел оправиться от испуга и, чувствуя себя в безопасности за крепкими стенами и запорами, не хотел вернуть реликвию без борьбы. Вот почему доктор ничего не отвечал, рассчитывая на то, что пыл Вандердеккена поутихнет, и тогда путем переговоров, например уступкой Филиппу взамен святыни двух гильдеров долга, ему, Путсу, удастся сохранить у себя святыню, которую корыстолюбец надеялся выгодно продать.

Не получив ответа, молодой человек сначала перешел к довольно убедительным увещаниям, далее — к крепким ругательствам, а затем — к действенным мерам. Неподалеку от дома Филипп заметил свал сухого валежника, а у стены дома — маленькую поленницу дров, припасенных, чтобы топить дом. Этими подручными средствами юноша решил воспользоваться для поджога дома, чтобы если и не вернуть семейную реликвию, то хотя бы дать полное удовлетворение своему чувству мести. Притащив несколько охапок валежника, он бросил их перед дверью, на них положил несколько поленьев и всяких щепок и стружек, что разыскал поблизости, — в итоге вся дверь до верха оказалась завалена. Затем он высек огонь с помощью трута и огнива, которые каждый голландец всегда носит при себе. Спустя несколько минут костер запылал. Дым столбами стал подниматься под крышу, а внизу свирепствовало пламя. Дверь загорелась, и пламя жадно лизало ее со всех сторон, а Филипп радовался успеху своей затеи.

— Эй ты, негодный святотатец, надругавшийся над покойницей, ограбивший мертвую, жалкий подлый вор, теперь ты испытываешь на себе мое отмщение! — закричал Филипп. — Если ты не выйдешь, то

сгоришь в огне, а если попытаешься выбежать, я тебя убью. Слышишь, мерзавец?!

Не успел он выкрикнуть последние слова, как окно верхнего этажа, самое отдаленное от горевшей входной двери, распахнулось.

— Ага, решил уговаривать меня и просить пощады, но нет! Я тебя...

Последние слова замерли на устах юноши, пораженного тем, что он заметил в окне и принял за видение: вместо безобразного маленького старикашки он увидел юное существо, девушку лет шестнадцати-семнадцати ангельской красоты с выражением невозмутимого спокойствия и полного самообладания, несмотря на грозившую ей опасность. Ее длинные черные волосы обрамляли изящной формы головку, большие темные глаза светились мягким добрым выражением, высокий белый лоб, прекрасной формы подбородок с кокетливой ямочкой, яркие, красивого рисунка губы и точеный небольшой носик с тонкими ноздрями делали ее редкой красавицей, прелестнее которой трудно было вообразить. Среди окутавшего окно густого дыма и языков пламени, временами вздымавшихся до второго этажа, это прелестное умиротворенное создание напоминало святую мученицу на костре, изображенную живописцем на полотне.

— Что вам нужно, буйный неукротимый юноша? За что вы хотите погубить мирных обитателей этого дома? — спросила девушка сдержанным тоном.

Некоторое время Филипп смотрел на нее в замешательстве, затем вдруг понял, что в своем слепом ожесточении едва не уничтожил эту красоту, и, забыв обо всем кроме грозившей девушке опасности, принялся сбивать пламя и растаскивать сооруженный им костер, пока от него не осталось ни одного прутика. Горевшую дверь дома юноша тушил комьями сырой земли, и, пока он это делал, девушка безмолвно наблюдала за ним.

— Все! Опасность миновала! — воскликнул Филипп. — Да простит мне Бог, что я, сам того не ведая, покусился на столь драгоценную жизнь. Я хотел отомстить одному лишь мингеру Путсу!

— А какой повод подал этот человек для столь ужасного мщения? — все так же спокойно поинтересовалась красавица.

— Какой повод? Придя в мой дом, Путс святотатственно обокрал мою усопшую мать, забрав с ее тела священную для нашей семьи реликвию.

— Ограбил покойницу?! Нет, такое немыслимо, это ошибка, молодой человек, или вы возводите на него напраслину.

— Клянусь прахом своей матери, что это правда. Эту драгоценную вещь я обязан любой ценой вернуть. Вы не знаете, как многое от этого зависит не только для меня, но и для других людей.

— Погодите, молодой человек, — проговорила девушка. — Я сейчас вернусь.

Филипп некоторое время ждал, не в силах побороть в себе удивление и восхищение: такая прекрасная девушка жила в доме старикашки Путса, и никто не догадывался об этом. Кто же она? Пока он строил предположения, серебристый голос очаровательной незнакомки, овладевшей его мыслями, окликнул его из окна: в руке у девушки была черная лента, а на ней висел золотой ларчик, из-за которого все и случилось.

— Вот ваша реликвия, сударь, — сказала девушка, — возьмите ее. Я очень сожалею, что мой отец совершил такой поступок; ваш гнев оправдан. Но я возвращаю вам святыню, — добавила она, роняя ларчик к ногам юноши. — Ступайте ради бога с миром.

— Ваш отец?! Этот человек ваш отец? — Филипп остолбенел, забыв даже поднять с земли ларчик. Девушка повернулась, чтобы отойти от окна, не удостоив юношу ответом, но он закричал ей: — Подождите, сударыня, всего одну минутку! Пожалуйста, простите меня за мое необузданное дикое поведение. Клянусь этой святыней, — он поднял шкатулочку с земли и держал ее перед собой, — если бы я знал, что в этом доме находится безвинное существо, я никогда не решился бы на безумный поступок. Как я благодарю Бога, что никакого несчастья от моей глупой горячности не произошло! Однако опасность пока не миновала, надо отпереть дверь и затушить порог, который все еще тлеет, ведь от него может загореться весь дом. Не бойтесь, сударыня, за вашего отца: причини он мне в сто раз больше зла, чем теперь, вы все равно спасли бы каждый его волос. А что я всегда держу свое слово, ваш отец знает, так позвольте же мне исправить тот вред, который я принес вашему дому, после чего я сразу уйду.

— Нет! Не верь ему! — закричал из глубины дома Путс.

— Ему можно верить, батюшка, — уверенно возразила молодая девушка. — Помощь этого юноши нам нужна. Я не смогу справиться с огнем, ты, пожилой человек, тем более. Отопри дверь и позволь ему

обезопасить наш дом от пожара. — Обращаясь к Филиппу, она добавила: — Отец откроет вам дверь, а я сейчас спущусь и поблагодарю вас за услугу. Я вам верю, молодой человек, и полагаюсь на вас.

— Ни разу такого не случилось, чтобы я нарушил слово! — заверил Филипп. — Но пусть мингер Путс поторопится: пламя выбивается из-под двери!

Дрожащими руками лекарь отомкнул дверь и поспешно ретировался вверх по лестнице. Филипп оказался прав: ему пришлось несколько раз сбегать с ведром за водой, прежде чем огонь окончательно утих. За все время, пока он работал, ни отец, ни дочь не показывались. Завершив свое дело, юноша прикрыл дверь и взглянул на окно второго этажа. Из него тотчас же выглянула темноглазая красавица, и Филипп успокоил ее, что теперь все в полном порядке.

— Благодарю вас, молодой человек, — сказала она. — Несмотря на необдуманность и безрассудность вашего поведения вначале, впоследствии вы проявили себя как разумный и добрый юноша.

— Передайте вашему отцу, сударыня: я не имею против него ни злобы, ни вражды и через два дня зайду к нему и принесу то, что должен. Окно захлопнулось, и Филипп, еще более возбужденный, чем раньше, но переполненный совсем иными чувствами, нежели те, с какими он явился к дому мингера Путса, направился к себе.

Глава III

Роковое письмо

Красивая дочь лекаря произвела на юного Вандердеккена сильное впечатление. Новое чувство присоединилось к тем, что волновали душу Филиппа. Придя домой, он кинулся на постель, с которой утром его поднял Путс. Прелестный образ девушки еще некоторое время носился в воображении молодого человека, но скоро был изгнан мыслью о том, что в соседней комнате лежит мертвая мать, а тайна отца, Виллема Вандердеккена, до сих пор заперта внизу в гостиной. Погребение назначили на завтрашнее утро, и Филипп, который после знакомства с прекрасной дочерью безобразного доктора несколько охладил к страшной тайне покойной матери, решил до похорон не отпирать таинственную комнату. На этом он заснул и, измученный душевно и физически, проспал до утра, когда священник разбудил его: печальная церемония уже началась. Через час все закончилось, провожавшие тело на кладбище разошлись по домам, а Филипп, вернувшись в опустелое жилище, запер дверь на тяжелый засов и почувствовал облегчение от того, что теперь он один и никто ему не помешает.

Войдя в комнату, где еще час тому назад лежало тело матери, Филипп снял со стены шкафчик и возобновил прерванную накануне работу. Вскоре он отделил заднюю стенку и нашел потайной ящичек. Выдвинув его, Филипп обнаружил, как и предполагал, большой ключ с легким налетом ржавчины, а под ним — сложенную вчетверо выцветшую от времени бумажку с текстом, написанным рукой Катрины Вандердеккен.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ